

ХІХ. Непобедимая сложность

«Пусть государство там как хочет, а мне всего дороже моя совесть, и я палец о палец не ударю ради этого государства».

Л. Н. Толстой (неточно)

«Не надо мне ни вашего романовского государства, ни патриотизма!»

Н. С. Лесков

Мы редко задумываемся, насколько упростилась жизнь со времен ХІХ столетия. Такое утверждение кажется безумным, если подумать о служащих нам машинах, которые смотрелись бы слишком неправдоподобно даже в фантастическом романе прежних времен. Однако машины стали сложнее, а жизнь — проще, и это относится ко всем областям человеческих отношений, включая общественную жизнь, науки и искусства.

Нелишне вспомнить, что во второй половине ХІХ века были люди, мечтавшие именно о таком упрощении, известные под именем «нигилистов». Конечно, в слово «нигилист» первоначально вкладывалось только отрицание господствующих ценностей, но настоящий нигилизм этим не исчерпывается. Уже Базаров не просто отвергает ценности, он ставит на место одних ценностей *другие*.

Всякий отрицатель такого рода задает нам (если не себе самому) важный вопрос: незыблемы ли наши ценности? Что из них можно отбросить без ущерба для человеческой души; что нужно оставить?

Когда-то весь свод наших ценностей считался неприкосновенным. Сейчас мы понимаем, что твердо лишь его основание; всё, что выше — плод поисков и ошибок, плод (что касается опыта духа и совести) раскаяний и божественных наказаний. За последние века мы вырастили целое дерево таких частных и производных ценностей, ценностей искусства и науки, говоря одним словом — культуры. Первоначально оно росло в тени Церкви, но скоро было пересажено на неосвященную почву.

Чем отличается культура от Заповедей? Во-первых, конечно, своей подвижностью. Другое различие более тонкое и может быть выражено так: если Заповеди учат тому, как жить *праведно*, то культура говорит, как жить *сложно*. Сложность — естественная потребность духа, которую нельзя устранить, но можно только подавить. Эта широта и сложность — неизбежный плод духовного развития — всегда была камнем преткновения для еретиков.⁶

И вот в наши дни, видя удобопревратность *«умения жить сложно»* как к добру, так и к злу, многие соблазнились: «живя просто, наши предки были нравственны, как о них рассказывают; живя сложно, мы и простой заповеди исполнить не умеем. Не в культуре ли зло?»

У нас в России это проповедовали Лев Толстой, и иные, меньшие. То, что накопило человечество за долгую свою жизнь, они объявили сором, ненужными отбросами. Истина же проста, и для нее все ухищрения литературной, общественной или ученой жизни излишни. Для нее не нужно ни

⁶ Собственно, слова «еретик» и «нигилист» можно успешно заменить одним: *упроститель*. И в древности были такие упростили, вспомним только наших жидовствующих: «Что тамъ смотрѣти: померъ, да и и все, по та мѣста и былъ, нечего поминати да отпѣвати!»

государства, ни школы, ни типографий. Если миру это не нравится, неудобно, или, наконец, если ему это вредит — что же, *пусть мир погибнет*. Проповедь такого рода особенно успешна и опасна была у нас на Руси, где и саму-то сложность не так уж давно приходилось вводить дубинкой...

С тем, что большинство из нас называет христианством, такое учение неизбежно должно было разойтись, потому что Церковь давно уже приняла культуру и государство *в качестве орудий*. Культуру — как орудие духовной и умственной жизни; государство — как орудие охранения *наименьшего* нравственного порядка. Надо признать, что оба эти орудия не только не изнашивались со временем, но всё более заострились и захотели всё большей самостоятельности, которую не так давно (по историческим меркам) и получили, получив же — устремились к безразличному, самодостаточному существованию, каждое — прочь от собственных первоначальных целей.

Возмущение против мира сего есть возмущение против его сложности, и Толстой напал на самый нерв современной жизни, требуя *упрощения*, то есть отказа от культуры во всех ее видах. Предлагая выбросить книжки (за исключением «идейных»), отказаться от образования (за исключением того, какое нужно для того, чтобы пилить дрова и изготавливать сапоги), и упразднить брак как «сатанинский соблазн», он и его сторонники, кажется мне, требовали *устранить трудности* вместо того, чтобы *преодолевать их*, и сами средства преодоления трудностей (образованность, книги) уже собирались положить в общий костер и поджечь...

Впрочем, ход мыслей Толстого и иных отрицателей довольно прозрачен. Видя, что мы живем сложно, но не должно, они требуют убрать сложность, в надежде, что под ней засияет праведность. Однако всё сложное — только орудие в руке духа. Само по себе оно *безразлично*. Нравственное уклонение — в человеке, а не в его орудиях. Мы хотим разбить орудия, потому что напроказила наша рука. Однако... «Культура безнравственна», твердит один из наших отрицателей. «Всякая литература развратна, кроме той, что служит *честным идеям*», вторит другой. «Опасаясь поэзии, потому что по своему существу она безнравственна», добавляет наша покойная современница. И наконец: «Наше дело не от мира сего, а мир пусть погибнет». Но если мир и погибнет, на его месте начнется новый, и нам снова предстанет выбор: участвовать в его делах или «самосовершенствоваться» с закрытыми глазами, предоставляя глупым или злым людям делать то, что им нравится.

Отрицатели любили говорить, что в этом и состоит «истинное христианство». Однако, когда они утверждают, что «так по Евангелию следует», нельзя не ответить, что Евангелие шире нашего разумения и учит тому, в частности, что об одном предмете может быть более одной истины; не говоря уже о заповеди: «кто разрушит, назовется наименьшим; но кто сотворит и научит...», которая забыта ими с самого начала. (Для недоумевающих прибавлю, что смысл этой заповеди в безусловном *оправдании* созидания и *осуждении* разрушения.)

Кроме того, этого рода людей отличает избыток своеобразно понимаемого «духа» при недостатке милосердия — черта ветхозаветная, но никак не христианская. Резкость пророков легко объясняется возбуждением человека, который единственный знает истину. Но этих пророков устранил Новый Завет. Христос знал истину, и был при том милосерд. К тому же современных пророков должна смягчать и мысль о собственном недостойности, которой у них не видно; видны же страсти, направляемые к вопросам духа. Отсюда заметное глазу противоречие между обликами Лескова и Льва Толстого — и их учениями. Они, если так можно сказать, проповедовали не от полноты собственного духа, а находясь в постоянном с этим духом борении.

Главное же в том, что «искусство жить сложно», с таким пылом противопоставляемое «простой жизни по Заповедям», неизменно присуще человеку, и упорно восстает после каждого уничтожения. Сложность нам жизненно необходима. Здоровая душа тянется к сложному, его создает и им питается, и всякий успех «упростителей» — на время. Что говорить! «Упростители» у нас в России имели громкую и, казалось бы, окончательную победу. Я говорю о несчастном 17-м годе. И что же? Вышло не по их желаниям, а по словам Ходасевича:

А всё-таки порой на небо
Посмотрит смирный человек, —
И одиночество взыграет,
И душу гордость окрылит:
Он неравенство оценит
И дерзновенья пожелает...
Так нынче травка прорастает
Сквозь трещины гранитных плит.

Непобедимая сложность человеческой жизни, со всеми своими заслугами и пороками, выросла и через гранит.